

- ¹⁶ *Титова Л.В.* Послание дьякона Федора сыну Максиму // Христианство и Церковь в России феодального периода. Новосибирск, 1989. С. 106.
- ¹⁷ Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. М., 1997. С. 220.
- ¹⁸ *Титов А.* Троицкий Желтоводский монастырь у старого Макария (1435–1887). М., 1887. С. 9.
- ¹⁹ Акты хозяйства боярина Б.И. Морозова. Ч. 2. М.; Л., 1945. № 455. С. 138.
- ²⁰ Житие протопопа Аввакума... С. 144, 221.
- ²¹ Материалы для истории раскола... Т. 1. С. 159.
- ²² *Леонид (Кавелин).* Сведения о славянских рукописях, поступивших из книгохранилища Свято-Троицкой Сергиевой лавры в библиотеке Московской духовной академии. Вып. 2. М., 1887. С. 208; *Голубинский Е.Е.* К нашей полемике со старообрядцами. М., 1905. С. 32–33, примеч. 5; *Голубцов А.П.* Прения о вере, вызванные делом королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны. М., 1891. С. 94–95, примеч. 36.
- ²³ *Румянцева В.С.* Кружок Стефана Вонифантьева... С. 180; *ее же.* Стефан Вонифантьев и кружок ревнителей... С. 474.
- ²⁴ *Белокуров С.А.* Арсений Суханов. Ч. 1. М., 1891. С. 170, примеч. 7.
- ²⁵ НГОУНБ ОР, ф. 6, оп. 1, ед. хр. 4, л. 65 об.
- ²⁶ Нижегородский государственный историко-архивный музей-заповедник. Коллекция рукописей, собрание государственного областного музея (далее – НГИИМЗ КР ГОМ) КР – 12 (ГОМ № 14042), л. 37, 38–38 об., 39, 173–174; КР – 104 (ГОМ № 13748), л. 72–72 об., 73, 74, 107.
- ²⁷ *Белокуров С.А.* Указ. соч. С. 169, примеч. 6. НГИИМЗ КР – 34 (ГОМ № 14982), л. 174.
- ²⁸ Два доклада царю Алексею Михайловичу об избранных Освященным собором кандидатах на архиерейские кафедры // ЧОИДР. 1905. Кн. 3. С. 25. Подлинник см.: РГАДА, ф. 153, оп. 1, д. 19, л. 1.
- ²⁹ Подробнее об этом см.: *Лобачев С.В.* Патриарх Никон. СПб., 2003. С. 100, 105–108, 174–175; *Морохин А.В.* Казанский митрополит Корнилий и поставление на патриарший престол Никона в 1652 г. // Патриарх Никон: история и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Саранск, 2007. С. 165–170.
- ³⁰ *Макарий (Миролюбов), архим.* Памятники церковных древностей. Нижний Новгород, 1999. С. 445; *Шимко И.И.* Патриарший Казенный приказ. Его внешняя история, устройство и деятельность. М., 1894. С. 14; *Володихин Д.М.* Патриаршие казначеи в XVII веке // Русь и южные славяне. СПб., 1998. С. 400–402; *Севастьянова С.К.* Материалы к «Летописи жизни и литературной деятельности патриарха Никона». СПб., 2003. С. 164.
- ³¹ *Рождественский Н.И.* Указ. соч. С. 7.
- ³² Там же. С. 5–6.
- ³³ Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. Т. 2. СПб., 1875. № 212. С. 959–960.
- ³⁴ ЦА НО, ф. 579, оп. 589, ед. хр. 112, л. 1–2.
- ³⁵ Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН, колл. 250, № 34, л. 1.

© 2010 г. А. С. ГЛАЗЕВА*

ЖИЗНЬ И ВЗГЛЯДЫ МОСКОВСКОГО МИТРОПОЛИТА ПЛАТОНА (ЛЕВШИНА)

Митрополит Платон (Левшин) – один из лучших представителей русской церковной иерархии. Обладая прекрасным образованием, он проявил себя не только как талантливый проповедник, учредитель духовных учебных заведений и воспитатель, но и как историк, инициатор и вдохновитель многих архитектурно-строительных мероприятий.

* Глазева Алла Сергеевна, соискатель кафедры истории России исторического факультета Воронежского государственного университета.

Уже через 10 лет после смерти митрополита Платона появился первый посвященный ему биографический очерк И.М. Снегирева, который позже несколько раз переиздавался с дополнениями¹. Из основных дореволюционных работ следует отметить труды А.А. Надеждина² и М.Л. Лысогорского³. Интерес к личности Платона достиг кульминации в 1912 г., когда к 100-летию со дня его кончины был приурочен выход трех наиболее значимых статей (В.В. Платоника, В.В. Виноградова и Б.В. Титлинова)⁴. В XX в. рассматриваемая тема затрагивалась в трудах эмигрантских ученых – Г.В. Флоровского⁵; И.К. Смолича⁶, В.П. Зубова⁷ и др. В советское время личности митрополита Платона были посвящены работы выпускников Ленинградской и Московской духовных академий⁸. В 1983 г. опубликована монография американского исследователя К. Пэпмэла (К.А. Parpmehl)⁹. Начиная с 1990-х гг. до наших дней интерес отечественных исследователей к митрополиту Платону проявился в ряде публикаций. Особо стоит отметить работы П.С. Шкуринова¹⁰, Р.М. Короткевича¹¹ и Ю.В. Стенника¹². Авторы двух последних статей о Платоне – М.М. Галанов¹³ и Н.В. Бессарабова¹⁴ – недостаточно, на узком круге источников, раскрывают темы, заявленные в названии их работ. Не все выводы, сделанные Бессарабовой, выглядят объективными и научно доказанными. Главными источниками для изучения жизни и взглядов митрополита Платона являются его автобиография¹⁵, проповеди¹⁶ и переписка с разными лицами¹⁷.

Платон (в миру Петр Георгиевич Левшин) родился 29 июня 1737 г., в с. Чашниково Московской губ., в день первоверховных апостолов Петра и Павла. В честь одного из них он и получил свое имя при крещении. Его отец Г. Данилов был сельским причетником и звонарем, впоследствии священником. Петр рано выучился грамоте, занимаясь по церковным книгам – Часослову и Псалтыри, и уже в 7-летнем возрасте мог пропеть целиком божественную литургию. Петр и его младший брат сначала обучались в Коломенской духовной семинарии, затем в Славяно-греко-латинской академии в Москве. Петр был очень прилежен к занятиям и так писал о себе: «Можно по истине сказать, что не знал ничего, кроме трех мест: дома, церкви и школы»¹⁸. Студентом будущий митрополит самостоятельно выучил латинский и греческий языки, а позднее свободно владел французским. В 1757 г., по окончании академии, он стал преподавать в ней греческий язык и поэтику. Как признается сам Платон, он нисколько не сомневался в выборе монашеского пути и решился на это «из особой любви к просвещению»¹⁹. В 1758 г. в Троице-Сергиевой лавре Петр Левшин постригся в монахи с именем Платон. В 1761 г. он был назначен преподавателем богословия и ректором Троицкой духовной семинарии, чуть позже – наместником Троице-Сергиевой лавры.

В 1763 г. во время посещения лавры императрицей Екатериной II Платон блестящей проповедью обратил на себя ее внимание и вскоре был назначен законоучителем цесаревича Павла Петровича и придворным проповедником. Благодаря своей образованности и общительности, Платон пользовался большой популярностью в высших кругах и заслужил доверие как самого наследника, так и обеих его супруг. В течение многих лет Платон и цесаревич (затем император Павел I) были друзьями. С.К. Смирновым опубликовано более 150 писем Павла I к митрополиту Платону, охватывающих период с 1764 по 1801 г.²⁰ Несмотря на то что после 1765 г. занятия иеромонаха Платона с цесаревичем Павлом стали носить нерегулярный характер, они, по мнению американского исследователя, «заложили в будущем императоре глубокое религиозное чувство, далекое от того, которое он мог воспринять от своей матери»²¹. Содержание занятий послужило основой изданного в 1765 г. «Православного учения или сокращенной христианской богословии...»²². В том же году по поручению императрицы иеромонах Платон опубликовал «увещание к раскольникам»²³. В 1766 г. он принимал участие в составлении отзыва на «Наказ для Уложенной комиссии». В 1770 г. Платон был хиротонисан в архиепископа Тверского. В Твери в годы его архиерейства был построен кафедральный собор, заслуживший высокую оценку Екатерины II. Несмотря на приближенность к императорскому двору, Платон в своих проповедях критиковал новомодные увлечения философией французских просветителей и масонством, особо обличал «неверие». И.М. Снегирев привел диалог Платона и прибывшего ко двору

по приглашению Екатерины II энциклопедиста Д. Дидро. Дидро обратился к молодому иеромонаху с вопросом: «Знаете ли, отец святой, философ Дидро сказал, что нет Бога?» Законоучитель ответил: «Это прежде него сказано». «Когда и кем?» — поинтересовался Дидро. Платон пояснил: «Пророком Давидом», — и процитировал слова 52-го псалма: «Рече безумен в сердце своем — несть Бог», обратившись же к французу, добавил: «А ты устами произносишь»²⁴. В 1775 г. Платон был переведен на Московскую кафедру. Заботясь о подобающем образе жизни священнослужителей и порядке в приходах, архиепископ издал в 1775 г. подробную «Инструкцию к благочинным, иереям и протоиереям»²⁵. В Москве он приводил в порядок дела епархии, обращая особое внимание на нравственный облик московского духовенства. Платон поставил своей целью повысить уровень образования в Славяно-греко-латинской академии, занимался благоустройством жизни учащихся, брал под свое покровительство наиболее способных учеников. Образование и воспитание будущих священников отныне стало для Платона главной заботой. Позднее он писал: «Я застал московское духовенство в лаптях и обул его в сапоги; из прихожих ввел его в залы к господам»²⁶. В 1783 г. он основал недалеко от Троице-Сергиевой лавры Спасо-Вифанский монастырь (в 1801 г. там была открыта семинария). В 1787 г. Платон получил сан митрополита. С 1792 г. он большей частью жил в Троице-Сергиевой лавре и Вифании, поручив дела по управлению Московской епархией своему викарию Августину (Виноградскому). В том же году, по благословению Платона, началось возрождение заброшенной Оптиной пустыни, которая в конце XIX — начале XX в. стала мощным духовным центром православной России. В конце XVIII в. оживали и другие монастырские центры, например, Валаам, Коневец. Так, по мнению Г.В. Флоровского, «на рассеяние просветительного века Церковь отвечает собиранием духа»²⁷.

Имя митрополита Платона тесно связано с введением в Русской православной церкви «единоверия». Последнее отчасти изменяло отношение к тем старообрядцам, которые готовы были признать власть и иерархию официальной Церкви (т.е. соглашались на постановку им священников), при этом, они продолжали служить по старопечатным книгам, креститься двумя «перстами» и т.п. Таких старообрядцев митрополит предлагал называть не раскольниками, а «соединенцами», или «единоверцами», выражая, таким образом, их «переходное» состояние. 27 октября 1800 г. Павел I подписал прошение московских старообрядцев, эту дату принято считать началом «единоверия»²⁸. В 1801 г. во время коронации императора Александра I митрополит Платон произнес одну из своих известных проповедей, которая была почти сразу же переведена на несколько иностранных языков. В 1804 г. архиерей совершил поездку в Киев, во время которой посещал не только монастыри и храмы этого города, но и собирал материал для изданной им в 1805 г. «Краткой российской церковной истории». До этого в духовных учебных заведениях не было учебника по истории Русской Церкви, да и сам предмет практически не преподавался. П.В. Знаменский, несмотря на некоторые недостатки, считал этот труд «редким по талантливости, полным обилием фактов, метких замечаний и серьезной критики»²⁹. Таким образом, митрополита Платона можно назвать одним из первых церковных историков России. В 1811 г., находясь в преклонном возрасте и будучи слаб здоровьем, он испросил себе увольнение от епархиальных дел. Митрополит тяжело перенес известие о вторжении в Россию армии Наполеона и умер, узнав о его отступлении, 11 (24) ноября 1812 г. в основанном им Спасо-Вифанском монастыре. В настоящее время мраморная гробница с останками митрополита находится в Свято-Духовском храме Троице-Сергиевой лавры. Ученики Платона архиепископ Августин (Виноградский), митрополиты Серафим (Глаголевский) и Филарет (Дроздов) стали его достойными преемниками.

Взгляды митрополита Платона отразились, главным образом, в его проповедях. В них он касался всех явлений современной жизни, что «при необыкновенной ясности и широте взгляда, при разнообразии и глубине мыслей, излагаемых живой одушевленной речью и было главной причиной той славы, какой он пользовался»³⁰. Во второй половине XVIII в. в России, как и в большинстве западных стран, были популярны идеи

европейских философов (прежде всего, французских энциклопедистов: Ж. д'Аламбера, Д. Дидро, Вольтера, Ш.Л. Монтескье, П. Гольбаха, Ж.Ж. Руссо, а также философские воззрения К.А. Гельвиция, Дж. Локка и др.). Характерной чертой их мировоззрения было отрицание религии, института Церкви и существующего политического устройства. Тем не менее с некоторыми из названных философов лично встречалась и поддерживала дружественную переписку императрица Екатерина II. Она желала создать на Западе образ просвещенной российской монархини: «Вольтер и его собратья были оракулами общественного мнения Европы. Сознывая силу и значение общественного мнения, императрица естественно старалась закупить их в свою пользу и в пользу своего государства. Ей, конечно, очень приятно было читать в сочинениях либеральных мыслителей похвалы своему управлению»³¹. Известно, что императрица не увлекалась всерьез идеями своих друзей-философов, тем более не собиралась проводить в Российской империи реформы, согласно их рекомендациям. Это подтверждает, прежде всего, реакция императрицы на революционные события во Франции³². Поверхностное увлечение новой философией представителями высшего русского общества, желание не отстать от моды (подражая императрице), сказалось не только на сочинениях русских историков и писателей того времени, но и на образе жизни и нравах. «Все русские вельможи, обладая в совершенстве французским языком и зная его лучше своего природного, читали в подлиннике сочинения модных философов или, по крайней мере, чтобы не отстать от века, держали их в своих библиотеках»³³. Примечательно, что модной философией увлекались в то время не только представители высшего сословия. Имея в виду средний слой русского общества, Г.Н. Теплов в разговоре с Д.Н. Фонвизинным негодовал: «Сии людишки не неверуют, а желают, чтоб их считали неверующими, ибо вменяют себе в стыд не быть с Вольтером одного мнения»³⁴.

Вольтер действительно пользовался в России наибольшей популярностью. Совокупность его взглядов, так называемое вольтерьянство, по мнению профессора церковной истории Ф.А. Терновского, «не было ни атеизмом, ни материализмом, ни политическим радикализмом... это легкое, насмешливое, фривольное, кощунственное и скептическое отношение к религии, Церкви, христианству, к важнейшим вопросам человеческого бытия, и особенно к тому способу их решения, который предлагался положительной религией – при отсутствии собственных положительных идеалов»³⁵. В сложной ситуации оказывались лица, не желавшие отступать от основ православного вероучения и находившиеся вблизи императорского престола. К числу таковых относился и иеромонах (впоследствии архиепископ и митрополит) Платон. «Платон очень не одобрял увлечения императрицы модными философами, что и было причиной некоторого охлаждения между им и государыней»³⁶. Примерно 1790 г. датируется появление открытого «Письма господина Вольтера к учителям Церкви и богословам». Вопросы Вольтера и ответы на них Могилевского архиепископа Георгия (Конисского) были опубликованы в 1867 г. в журнале «Домашняя беседа»³⁷. В Отделе рукописей ГИМ хранятся нигде не опубликованные ответы митрополита Платона на указанные 16 вопросов Вольтера³⁸. Данный источник носит, преимущественно, богословский характер, однако отчасти проливает свет и на отношение митрополита Платона к французским просветителям. Практически в каждом из ответов Платон выражал недоумение по поводу ограниченного восприятия Вольтером очевидных, с точки зрения митрополита, богословских истин. Платон резонно указывал философу на плохое знание Священного Писания и недопустимый, по его мнению, насмешливый тон в обсуждении затронутых вопросов. В завершении рукописи Московский митрополит восклицает: «О Франция! Меч гóтов уязвил тебя не столь глубокой ранюю, как перо и язык нескольких учтивых философов, кои из твоих недр вышли»³⁹.

В нижеприведенных отрывках из проповедей Платона видно, как он полемизировал со многими утверждениями энциклопедистов. Особую тревогу митрополита вызывали усиливающиеся атеистические настроения. Напомню, что одним из главных оценочных критериев энциклопедистов был следующий: «То, что никогда не ставилось под сомнение, нельзя считать проверенным и доказанным. То, что никогда не подверга-

лось непредубежденному рассмотрению, не было по-настоящему исследовано. Значит, скептицизм – первый шаг к истине»⁴⁰.

Критика французских энциклопедистов и их русских последователей была направлена главным образом на идею бессмертия души и жизни после смерти, на разные церковные таинства и обряды. Митрополит Платон, в свою очередь, объяснял, что вера как откровение высшего разума логически заключает в себе затруднения в постижении ее человеком: «Вера, если бы ума твоего сосудцем была измеряема, величество ее было бы унижено»⁴¹. Он отмечал, что и в «древности, и ныне» происходит много раздоров из-за того, что многие пытаются понять то, что умом непостижимо. Твердым основанием веры, по его мнению, является «просвещение мысли и добродетель души»⁴². Истинным же просвещением для митрополита являлось то, которое в итоге приводило к «восхищению премудростью» Бога-Творца⁴³. Платон, приветствовавший развитие интеллектуальных способностей, так определял цель приобретения различных знаний: «Ибо для того учиться надобно, дабы украсить себя честностью нравов; и ежели бы не предположить сего конца, то не нужны, а, по крайней мере, суетны, были бы все учения»⁴⁴; «Не презираю я науки, – говорил Платон, – но утверждаю, что... не может быть вреднее того человека, который бы имел науки, но не имел исправленной совести»⁴⁵.

Митрополит выделял 3 причины, приводящие человека к отрицанию Бога: «невежество, ложное просвещение и развратная жизнь»⁴⁶. О «ложном просвещении», как основе безбожия, Платон говорил: «Кажется, некоторый век столько не был несчастлив самомнительной и дерзостной ученостью, сколько нынешний... Таинственные истины кладутся на слабейшие весы рассудка человеческого. Едва ли какой разговор почитается сносно, или еще приятнее, как тот, в котором с посмеянием перетолковываются установления Церкви, предания древнейших веков»⁴⁷. При этом он подчеркивал, что далеко не все в древности заслуживает положительной оценки: разобравшись, доброму следует подражать, а от плохого отказаться⁴⁸. У «русских вольнодумцев», согласно митрополиту, «развратность нравов» была главной причиной безбожия. «Известно, – говорил Платон, – что вера препятствует прихотям, постыждает страсть, у склонностей плотских отнимает волю»⁴⁹.

В своих проповедях московский архиерей также касался вопросов воспитания молодого поколения. Отмечая, что существуют разные способы воспитания, митрополит Платон наилучшим считал «добрый пример». «Не хочешь, чтоб младенец развращен был? Не делай перед ним того, чего в нем не хочешь видеть, но будь пред ним зеркалом, в котором бы он усмотреть мог, чему ему подражать надобно»⁵⁰. В качестве воспитателей митрополит советовал выбирать «добрых учителей, честных приставников, которые б не только были ревностны к пользе воспитываемого, но притом бы имели дух патриотический»⁵¹.

Платон отрицательно относился к обычаю отдавать детей на обучение иностранцам. «Поверяем, – говорил он, – любезный свой залог (т.е. детей. – А.Г.) людям неизвестным, пришельцам, никаких в себе следов честности неимеющим, которые сами или избежали наказание, или исправляемы быть должны»⁵². «Но пусть бы они были и честные люди, – продолжает Платон, – но чему обучают? Говорить иностранными языками, плясанию, как обращать меч, чтоб в случае страстного жара мог употребить его на пронзение другого»⁵². Митрополит призывал «тщательно хранить святую древность и святые ее законы», чтобы «иноплеменные перестали нам быть наставниками», а, напротив, «от нас научились вере Богу и благим делам»⁵³. Более всего Платон заболел о воспитании и образовании будущих пастырей. Он писал: «Весьма чувствительно его оскорбляло, что по большей части духовенство находилось неисправным, и потому мало уважаемым, или и презираемым. Но улаждало и веселило его дух, когда что открывалось к славе Церкви и к чести духовного чина»⁵⁴ (Будучи автором записок, Платон писал о себе в третьем лице).

В вопросе взаимоотношений общества и Церкви позиция митрополита сводилась к следующему: «Не может быть общество, не утвержденное на основании богопочтения; не может быть гражданина, чтобы не был вместе верным хранителем драгоценного за-

лога благочестия; не могут общественные дела иметь своей силы и действия, не будучи подкрепляемы тем законом, который обязывает совесть и подвергает во всех делах отчет дать не человеку только, но и Богу, испытующему сердца и утробы»⁵⁵. В православном вероучении «отчет Богу» накладывает на христианина гораздо большее бремя ответственности за свои поступки и даже мысли, чем общественные нормы и законодательство. Само понятие «гражданин-христианин» для митрополита Платона неразделимо. Исполнение гражданских, должностных и семейных обязанностей он тесно связывал с исполнением 10 заповедей. Пренебрежение ими и общественной пользой в целом ведет к нестабильности – соответственно, в семье, обществе и государстве. «Никакая должность сама по себе не бесчестна, когда она служит к общей пользе; подла и презренна одна только праздность и роскошь... верный исполнитель звания и низкое место возвышает, а нерадивый и высокое унижает»⁵⁶.

Митрополит Платон, особенно в последние годы жизни, не одобрял взаимного вмешательства во внутренние дела светской и духовной властей. Высказывал эти идеи он преимущественно в личной переписке со своими учениками, также архиереями, Амвросием (Подобедовым) и Августиним (Виноградским)⁵⁷. «Борьба против введения светских начал в церковную жизнь, – отмечал В. Виноградов, – была характерной чертой общецерковной деятельности митрополита Платона»⁵⁸. По мнению последнего, причиной вмешательства светской власти в духовную было «новое французское учение, которое давно уже заразило и испортило наших»⁵⁹. Очевидно, что под «новым французским учением» митрополит подразумевал идеи французских просветителей и тех их последователей, которые приняли непосредственное участие в революционных событиях во Франции конца XVIII – начала XIX в. В письме графу И.А. Остерману Платон писал: «Вновь проникшие философские правила, угрожающие не только религии, но и политической основательной связи, требуют всеприспешной осторожности»⁶⁰.

Митрополит Платон пользовался благосклонностью императрицы Екатерины II (которая предприняла ряд мероприятий, ущемляющих интересы Русской православной церкви) и известных представителей русского масонства. Видимо, исходя из этого, Б. Башилов, не подкрепляя данный вывод соответствующими ссылками, писал, что «некоторые историки... считают, что Платон сам был масоном»⁶¹. В качестве доводов против последнего утверждения можно назвать следующие. Во-первых, необходимо учитывать особенности эпохи, в которой жил митрополит. Г.В. Флоровский так охарактеризовал XVIII столетие в России: «Масонский опыт дал много новых и острых впечатлений рождавшей тогда русской интеллигенции... Этот бесцерковный аскетизм был пробуждением мечтательности и воображения. Развивается какая-то нездоровая искательность духа, мистическое любопытство. Вторая половина века вообще отмечена каким-то мечтательным и мистическим подъемом и в народных массах. Это было время развития или возникновения всех основных русских сект – хлыстовства, скопчества, духоборства, молоканства»⁶². В XVIII в., когда масонство стало популярным, в нем даже духовенство не всегда видело опасность. И Платон действительно был дружен с видными масонами. Более того, «испытав» по указу Екатерины II в основах православной веры известного русского масона Н.И. Новикова, он пришел к выводу, чтобы «побольше было таких православных христиан, как он»⁶³. Однако в «отчетном» письме к императрице об издаваемых в типографии Н.И. Новикова сочинениях западных «просветителей», Платон писал: «Суть книги самые зловредные, развращающие добрые нравы и ухищряющиеся подкапывать твердыни святой нашей веры. Сии то гнусные и юродивые порождения так называемых энциклопедистов следует исторгать, как пагубные плевела, возрастающие между добрыми семенами»⁶⁴. Неприятие идей западных просветителей во второй половине XVIII в. спровоцировало увлечение масонством (зачастую поверхностное) той части русского образованного общества, которая была одинаково далека как от философии энциклопедизма, так и от строгого следования основам православного вероучения. Русские масоны противодействовали влиянию идей энциклопедизма тем, что «отвлекали на свою сторону значительную часть обра-

зованной русской публики и внушали ей свое мирозерцание, правда, фантастическое, туманное и не выдерживающее богословской критики, но, во всяком случае, существенно различное от мировоззрения энциклопедистов»⁶⁵. Именно неприятие новой либеральной идеологии отчасти сблизило русское духовенство с некоторыми представителями русского масонства, что, очевидно, и дало основание Б. Башилову говорить о принадлежности митрополита Платона к данному братству.

Любопытно, что ровно через 10 лет после «собеседования» с Новиковым, в 1796 г., Платон, вникнув в устав «вольных каменщиков», изменил мнение по этому вопросу. Знакомые ему масоны, как писал митрополит, представили на его рассмотрение свой Устав, чтобы он, изучив его, сам убедился в безвредности данного братства. Но Платон после «прилежного прочтения» заключил, что «масонство есть безместно и зловредно, еще более, нежели» он «до прочтения сих бумаг о том думать мог»⁶⁶. Один из наиболее ярких представителей русского масонства И.В. Лопухин, вспоминал: «Часто бывал у преосвященного Платона, которого отличным благорасположением я всегда пользовался. Он очень в разговорах восставал против нашего общества, однако ж расставались мы всегда приятелями»⁶⁷. В. Виноградов обращал особенное внимание на позицию Платона в отношении людей, отпавших от православной веры и Церкви. «Нужно, – говорил митрополит в одной из проповедей, – гнать порок, а не человека порочно»⁶⁸. Исходя из этого, исследователь сделал следующий вывод: «Благодаря этому именно свойству (умению не портить отношения даже с теми, кто, по мнению митрополита, заблуждался. – А.Г.), Платон, несмотря на свое настойчивое обличение в проповедах модных направлений времени – деистического, атеистического и масонства – пользовался всеобщим уважением противников»⁶⁹. А.Н. Пыпин писал по этому поводу: «Один из умнейших представителей духовенства, митрополит Платон, вполне сочувствовал образовательным тенденциям масонского кружка, и если сам не одобрял крайностей мистики, то все-таки находил возможным не обвинять мистиков в ереси, и даже уважать их»⁷⁰.

Такое поведение Московского митрополита можно объяснить следующими соображениями. В конце XVIII – начале XIX в. новации в духовной сфере зачастую инициировались императорской властью, что не могло не вызвать растерянности в церковных кругах. Ведь архиереи должны были являть собой не только образец верности Царю Небесному, но и царю земному. А так как помазанник Божий давал обет охранять устои православной веры, многие церковные иерархи первоначально восприняли нововведения в этой сфере как шаг навстречу духовности и воцерковлению. Однако, когда выяснилось, что эта «духовность» выходит за рамки православной догматики и вероучения, часть архиереев встала в скрытую или явную оппозицию власти.

В ряде случаев митрополит Платон проявил себя как убежденный противник католического влияния в России. Особенно ярко это прослеживается в написанной им «Краткой российской церковной истории»⁷¹. Несмотря на то что Русь приняла крещение еще до разделения Церквей на Западную (католическую) и Восточную (православную), митрополит Платон уже на первых страницах своей церковной истории особо выделил факт преемственности от Византийской Греко-восточной Церкви, а не от Рима: «Великое благодарение обязана Россия воссылать папстреначальнику Христу, что не обьял ее мрак Запада, то есть, что не подверглась она игу западной Римской Церкви, где уже в сие время по многим суевериям и присвоением пап себе неограниченной власти и по духу во всем мирскому, а не Евангельскому, все почти было превращено. Освободил нас Господь от сих сетей, хотя запад антихристовым усилием всемерно тщался нас себе покорить»⁷². Предвосхищая обвинение в предвзятости, Платон привел согласующиеся с его мнением отзывы о политике папского престола двух светских историков – М.М. Щербатова и И.Н. Болтина, «дабы не возомнил кто, аки бы то, что было мною писано о папе, есть пристрастно, или горячо, или непристойно и бранно»⁷³.

Митрополит Платон не принял предложения католиков о воссоединении Восточной и Западной Церквей, резонно мотивировав этот отказ в ответном письме к бывше-

му епископу Блуаскому, французскому сенатору, графу А. Грегуару: «С царствования Петра I деланные покушения относительно сближения двух Церквей остаются безуспешными, что самое служит убеждением, сколь подобная мысль противна духу народа русского: он до такой степени привязан к своей вере, столько проникнут обязанностью сохранять ее во всей целости, что всякая в ней перемена может сделаться для него оскорбительною и пагубною»⁷⁴. Принципиальную позицию митрополита Платона в этом вопросе иллюстрирует эпизод из его взаимоотношений с императором Павлом I. В 1796 г. Павел I решил ввести награждение православного духовенства кавалерскими орденами. Несмотря на хорошие отношения с бывшим воспитанником, это вызвало резкое неприятие у московского архиерея: «Дело сие необыкновенное, никогда в духовенстве ни в греческом, ни в российском не бывало, и свойственно единому классу фарисейскому, папистическому, которые, а особливо папа, присвоили себе власть и светскую»⁷⁵, т.е. будучи епископами, одновременно являлись носителями светских титулов. А это, по мнению Платона, совершенно несовместимые вещи. Он подчеркивал, что в Евангелии духовным лицам не только воспрещено принимать на себя светские звания, но и вообще предписано «ни в какие мирские дела не входить»⁷⁶. Столкнувшись с непреклонностью императора в этом намерении, он просил его отказаться от этого шага, хотя бы ради того, чтобы «в Церковь не вводить новостей (т.е. нововведений. – А.Г.), а в духовенство – новых случаев к тщеславию и к постыдным проектам»⁷⁷. В качестве еще одного примера «увещевания» приведу хранящийся в личном архивном фонде митрополита Платона черновик или копию его письма к императору Павлу: «Не могло сие произойти, как от усердия Вашего Величества к Церкви и из уважения к слушателям ея: но в простом народе разные примечательны о сем толкования». Любопытно, что в другой копии того же письма в этом месте есть еще одна фраза: «Особливо от схизматиков сие толкуется вводимую новостью, и какие-де архиереи стали теперь католицкие бискупы»⁷⁸. Таким образом, митрополит Платон проявляет обеспокоенность тем, как данное нововведение императора Павла повлияет на отношения официальной Церкви с раскольниками, и что оно может дать им основание увидеть сходство православных епископов с католическими. «Да и вообще примечается, – продолжал митрополит, – что сие принято с холодным удивлением... Притом, по недостаточной догадке моей, и от других единоверных нам народов могут произойти невыгодные толкования. Ибо сколько мне известно общее все имеют отвращение от латинских папистиков епископов и не почитают их заслуживающими, чтоб они были примером православным епископам»⁷⁹.

Но, как известно, Павел I остался непреклонным и, не слушая никаких возражений, сам надел на своего учителя орден Андрея Первозванного. Московский митрополит также не изменил отношения к этой проблеме. Уже в 1797 г. он подписал одно из писем к Амвросию (Подобедову) следующим образом: «Истинно не всадник (кавалер), а недостойный епископ христианский»⁸⁰. Приведенный случай свидетельствует о том, что, несмотря на приближенность и дружеские отношения и с Екатериной II, и с Павлом I, митрополит Платон, в случаях, когда их намерения не совпадали с его позицией православного епископа, оставался непоколебимым. Это, на мой взгляд, послужило одной из главных причин охлаждения отношений Платона как с Екатериной II (к концу ее царствования), так и с Павлом I.

Бесспорно, что митрополит Платон был неординарной личностью. Эрудированность и знание иностранных языков выгодно отличали его не только в церковной, но и в светской среде. При этом его трудам присущи также некоторые недостатки. Так, например, отмечая положительные черты катехизисов и проповедей Платона (ясность, доступность изложения, неоторванность от жизни), Г.В. Флоровский указывал на их «недостаточную содержательность» и слабость догматического богословия митрополита Платона в целом⁸¹. Написанный Платоном первый учебник по русской церковной истории еще при жизни автора получил не только положительные, но и отрицательные отзывы⁸². Однако в предисловии к своему труду Платон предупреждал: «Я о сем моем сочинении не велемудрствую и не почитаю оное в своем роде совершенным... но, по

крайней мере, по неимению доселе никакой церковной российской истории, послужит она в духовных училищах к некоторой пользе, хотя на время»⁸³.

Находясь вблизи царственных особ, Платон, при всем своем авторитете, практически не имел влияния не только на политические, но и на церковные дела. С 1782 г. он не принимал участия в заседаниях Святейшего Синода по причине того, что не мог смириться с неограниченными полномочиями обер-прокуроров и пассивным поведением своих собратьев епископов. Будучи вынужденным подписывать документы, не отвечавшие его взглядам на ту или иную проблему, Платон «к сему знаменитому месту (т.е. к Синоду. – А.Г.) ощутил в себе чувствительное прохлаждение: так, что уже искал случая, как бы от него избавиться»⁸⁴.

Возникает вопрос, почему этот авторитетный, образованный архиерей проявил себя не в полную силу на поприще церковно-государственных отношений. «При такой громкой и широкой известности, при таком ореоле славы естественно было бы ожидать, что Платон явится руководителем церковно-правительственной деятельности своего времени, что он станет у кормила церковного корабля... Ум, дарования, авторитетность – все было у него»⁸⁵. Платон был современником трех царствований и маловероятно, что условия всегда были так неблагоприятны, что не представлялось возможным плодотворно работать в данном направлении. Главная причина, по мнению Б.В.Титлинова, заключалась в характере митрополита Платона, который «был не из тех, какие нужны для церковных политиков, неизбежно принужденных, стоя у кормила власти, считаться с многообразными обстоятельствами»⁸⁶. Сам митрополит Платон писал в автобиографии, что отличительными свойствами его характера были «прямотушие и искренность». Он признавался: «Почти все то было у него на языке, что на сердце: а потому был свободен в словах и не скрывал других пороки, или страсти»⁸⁷. Неумение и нежелание идти на компромисс лишили его возможности влиять на отношения Церкви и государства в современный ему период, на вопросы, выходящие за пределы возглавляемой им епархии.

Оказавшись в политической изоляции, Московский митрополит всю свою энергию и силы употребил на подготовку «просвещенных пастырей». Платон, несомненно, осознавал, что одной из главных причин роста сектантского движения, популярности философии энциклопедистов и притягательности масонства, был низкий уровень образованности и упадок нравственности православных священнослужителей. Платон стремился возрастить «ученное и культурное духовенство через гуманитарную школу. Он хотел поднять и возвысить духовный чин до социальных верхов – в век, когда его старались снизить и растворить в “третьем роде людей” и даже в безликой податной массе. Вот почему Платон так заботился применить обучение и воспитание в духовных школах к вкусам и понятиям “просвещенного” общества»⁸⁸. Благодаря трудам митрополита значительно повысился не только интеллектуальный, но и нравственный уровень московского духовенства, что в целом благотворно сказалось на росте престижа данного сословия в обществе.

Е. Прилежаев писал, что «во всех случаях, где нужны были государству образованные и способные люди для целей науки и просвещения, духовные школы одни являлись постоянным и неиссякаемым источником, снабжая своими воспитанниками Академию наук, Московский университет, медико-хирургические школы, народные училища... Наши первые академики из русских, профессора, врачи, учителя средних и низших общественных учебных заведений вышли из воспитанников духовных семинарий»⁸⁹.

В России первой четверти XIX в. в духовно-религиозной сфере активизировались либеральные тенденции. Проявилось это, прежде всего, в толерантном отношении не только рядовых граждан, но и православных священнослужителей к нивелировке различий как между христианскими конфессиями, так и между религиями в целом. Либерально настроенные представители духовенства и верующие выступали за введение в православное богослужение русского литературного языка вместо церковнославянского, упрощение или отказ от церковных обрядов и постановлений. Дело «усугублялось» тем, что такие идеи, как уже упоминалось выше, находили поддержку у верховной

власти. Рост подобных настроений заставил сплотиться консервативно настроенную часть православного духовенства и русского общества для борьбы за отстаивание чистоты православных догматов и господствующего положения Русской православной церкви. В этой борьбе, особенно обострившейся в первой четверти XIX в., как раз и проявили себя воспитанники митрополита Платона. Выпускники Перервинской духовной семинарии Михаил (Десницкий), Серафим (Глаголевский) и другие, рискуя своим положением, решились на открытую критику министра духовных дел и народного просвещения, друга Александра I кн. А.Н. Голицына, проводившего политику, подрывавшую, на их взгляд, авторитет Православной церкви. Деятельность названных оппозиционеров привела в итоге к закрытию Русского Библейского общества и к отставке кн. А.Н. Голицына, что отчасти способствовало возвращению утраченных Православной церковью позиций.

Примечания

¹ *Снегирев И.М.* Изображение жизни и деяний Московского митрополита Платона. Изд. 2. Ч. 1–2. М., 1822; *его же.* Жизнь Московского митрополита Платона. Ч. 1–2. М., 1856.

² *Надеждин А.* Митрополит Московский Платон как проповедник. Казань, 1882.

³ *Лысогорский Н.В.* Московский митрополит Платон как противораскольничий деятель. Ростов н/Д., 1905.

⁴ *Платоник В.В.* Об изучении жизни и трудов и чествовании памяти Платона, митрополита Московского (к столетию со дня кончины, 11 ноября 1912 г.). Сергиев Посад, 1912; *Виноградов В.В.* Платон и Филарет, митрополиты Московские (сравнительная характеристика) // Богословский вестник. 1913. Т. 1. Январь. С. 10–34; Февраль. С. 311–347; *Титлинов Б.В.* Московский митрополит Платон (Левшин) и его участие в церковно-правительственной деятельности своего времени // Христианское чтение. 1912. № 11. С. 1199–1260.

⁵ *Флоровский Г., прот.* Пути русского богословия. Париж, 1937. То же: М., 2009.

⁶ *Смолич И.К.* История Русской Церкви. Кн. 8. Ч. 1. М., 1996.

⁷ *Зубов З.П.* Русские проповедники: Очерки по истории русской проповеди. М., 2001.

⁸ *Миролюбов Г.П.* Платон как пастырь и богослов. Ленинградская духовная академия. Машинопись. 1952; *Иванов И., свящ.* Митрополит Платон (Левшин) как догматист. Ленинградская духовная академия. 1955; *Скурат К.Е.* Митрополит Платон, его жизнь и деятельность. Московская духовная академия. Загорск, 1956. Машинопись; *Платон (Лобанков), иером.* Святейшие труды Высокопреосвященного Платона (Левшина), митрополита Московского. Загорск, 1964. Машинопись. (В кратком изложении эта работа опубликована: Платон (Левшин), митрополит Московский. Издательство Троице-Сергиевой лавры, 2009).

⁹ *Parmehl K.A.* Metropolitan Platon of Moscow (Petr Levshin, 1737–1812): the enlightened prelate, scholar and educator. Oriental Research Partners. Newtonville (Mass), 1983.

¹⁰ *Шкуринов П.С.* Проблема человека и духовности в философско-этической концепции митрополита Платона (Левшина) // Философия России XVIII века: Учебное пособие для вузов. М., 1992. С. 158–166.

¹¹ *Короткевич Р.М.* Митрополит Платон и русские императоры. (Опыт критического восставления прошлого) // Макарьевские чтения: Материалы VIII Российской научной конференции, посвященной памяти свт. Макария. Вып. 8; М.; Можайск, 2001. С. 217–239.

¹² *Стенник Ю.В.* Исторические воззрения митрополита Платона (Левшина) / О книге «Краткая церковная российская история» // XVIII век: Сб. 23. СПб., 2004. С. 211–230.

¹³ *Галанов М.М.* Митрополит Московский Платон и Павел I // Вопросы истории. 2006. № 7. С. 150–155.

¹⁴ *Бессарабова Н.В.* Мироззрение и деятельность митрополита Платона (Левшина) // Вопросы истории. 2008. № 1. С. 141–147.

¹⁵ *Платон (Левшин), митр.* Записки о жизни Платона, митрополита Московского // *Снегирев И.М.* Жизнь Московского митрополита Платона... Приложение. С. 1–76.

¹⁶ [*Платон (Левшин)*]. Поучительные слова при Высочайшем дворе Ея Императорского Величества благочестивейшей великой государыни Екатерины Алексеевны Ею Императорского Высочества учителя в законе и придворного проповедника Святейшего Правительствующего Синода члена, преосвященнейшего Платона, архиепископа Московского и Калужского и Свято-

Троице-Сергиевы лавры священноархимандрита, поучительные слова и другие сочинения, от Московской академии выпечатанные. В 20 т. М., 1779–1806.

¹⁷ Платон (Левшин), митрополит. Отношение митрополита Платона к императрице Екатерине II и императору Павлу I (по автобиографии Платона и письмам императора Павла). Комментарий и примечания П.С. Казанского // Чтения в обществе истории и древностей российских (далее – ЧОИДР). 1875. Кн. 4. С. 175–197; Письма императора Павла и других августейших Особ к Платону, митрополиту Московскому (с примечаниями протоиерея С.К. Смирнова) // Русский архив. 1887. № 5. С. 1–48; № 6. С. 162–170; № 7. С. 243–288 (отд. оттиск. М., 1887).

¹⁸ Платон (Левшин), митр. Записки о жизни Платона, митрополита Московского... С. 10.

¹⁹ Там же. С. 15.

²⁰ Письма императора Павла... Сам митрополит Платон в своих записках указал, что хранил у себя «около 200 соверучных писем Павла Петровича» // Платон (Левшин), митр. Записки о жизни Платона, митрополита Московского; Муретов С. Описание рукописей Вифанской духовной семинарии // ЧОИДР. 1897. Кн. 3–4.

²¹ *Parmehl K.A.* Op. cit. P. 11: «to have imbued the future Emperor with a degree of sincere religious belief far in excess to what can be perceived in his mother».

²² [Платон (Левшин), иером.]. Православное учение, или сокращенная христианская богословия с прибавлением молитв и рассуждения о Мелхиседеке, для употребления Его Императорского Высочества, пресветлейшего всероссийского наследника... Павла Петровича, сочиненная Его Императорского Высочества учителем иеромонахом Платоном. М., 1765.

²³ Платон (Левшин), иером. От православно-кафолической восточной Христовы Церкви увещание бывшим своим чадам, ныне недугом раскола немощствующим вместе с чиноположением, как принимать обращающихся к православной Церкви. СПб., 1765.

²⁴ Снегирев И.М. Жизнь Московского митрополита Платона. Ч. 1. В примечании (с. 34) сообщается, что сам митрополит Платон в беседе с отцом И.М. Снегирева подтвердил этот случай, отметив, что данный диалог был на латыни. Снегирев добавил, что данный разговор иногда ошибочно приписывают Даламберу.

²⁵ Платон (Левшин), архиеп. Инструкция благочинным, иереям и протоиереям. М., 1775.

²⁶ Цит. по: Русский биографический словарь. Т. XIV. СПб., 1902. С. 51.

²⁷ Флоровский Г.В., прот. Пути русского богословия. М., 2009. С. 163.

²⁸ Цвиркунов Г. Митрополит Московский Платон (Левшин) и единоверие // Платоновские чтения. 1 декабря 2004 г.: Сборник материалов / Перервинская духовная семинария. М., 2005. С. 36. Устоявшееся мнение, что единоверие было инициировано митрополитом Платоном, попытался пересмотреть М. Первушин в статье «Единоверие до и после митрополита Платона (Левшина)» (<http://www.rusk.ru/st.php?idar=27858>).

²⁹ Цит. по: Платонов Н. Митрополит Московский Платон и его духовное наследие. Дис. ... канд. богословия. Сергиев Посад, 1997. С. 60.

³⁰ Порфирьев И.Д. История русской словесности. Казань. 1898. С. 405.

³¹ Терновский Ф.А. Русское вольнодумство при императрице Екатерине II и эпоха реакции // Труды Киевской духовной академии. 1868. Т. 1. Март. С. 421.

³² Брикнер А. История Екатерины Второй. В 2 т. Т. 2. М., 1991 (репринт). С. 674–680.

³³ Терновский Ф.А. Указ. соч. Т. 1. С. 430.

³⁴ Там же. С. 445.

³⁵ Там же. С. 455.

³⁶ Там же. Т. 3. Сентябрь. С. 113.

³⁷ Письмо г-на Вольтера к учителям церкви и богословам // Домашняя беседа. 1867. № 46–48.

³⁸ ОР ГИМ, ф. 637–4. (Собр. А.С. Уварова), Ч. IV, отд. XVII. № 2011(637). (491). «Письмо к учителю богословия. Ответ любопытствующему. Вопросал Вольтер, ответил Платон, митрополит Московский. Вопросы и ответов 16. Не напечатано». Л. 80–135.

³⁹ Там же. Л. 134 об.

⁴⁰ Цит. по: Реале Д., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. В 4 т. Т. 3. (От Леонардо до Канта). СПб., 1996. С. 493.

⁴¹ [Платон (Левшин)]. Поучительные слова... Т. V. М., 1780. С. 200.

⁴² Там же. С. 75.

⁴³ Там же. С. 168, С. 311.

⁴⁴ Там же. С. 445.

⁴⁵ Платон (Левшин). Слово о воспитании // Демков М.И. Русская педагогика в главнейших ее представителях. М., 1898. С. 94.

⁴⁶ Цит. по: Порфирьев И.Д. Указ. соч. С. 402.

- ⁴⁷ [Платон (Левшин)]. Поучительные слова... Т. III. С. 323–324.
- ⁴⁸ Там же. Т. II. С. 53–55.
- ⁴⁹ Там же. Т. III. С. 326.
- ⁵⁰ Платон (Левшин). Слово о воспитании... С. 94.
- ⁵¹ Там же. С. 95.
- ⁵² [Платон (Левшин)]. Поучительные слова... Т. IV. М., 1780. С. 165.
- ⁵³ Цит. по: Платон Левшин, митрополит Московский и его сочинения // Полное собрание сочинений Платона (Левшина), митрополита Московского. Т. I. СПб., 1913. С. 16.
- ⁵⁴ Платон (Левшин). Записки о жизни Платона... С. 74.
- ⁵⁵ Платон (Левшин), митр. Азбука добродетели. М., 2005. С. 389.
- ⁵⁶ Там же. С. 123–124.
- ⁵⁷ [Платон (Левшин), митр.] Письма Платона, митрополита Московского, к преосвященнейшим Амвросию и Августину (с примеч. С. Смирнова). М., 1870.
- ⁵⁸ Виноградов В. Указ. соч. С. 332.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ Цит. по: Снегирев И.М. Жизнь Московского митрополита Платона. Ч. 1. С. 34.
- ⁶¹ Башилев Б. (Поморцев М.А.) История русского масонства. (XVIII–XX вв.). М., 2004. С. 367, 368.
- ⁶² Флоровский Г.В. Указ. соч. С. 161.
- ⁶³ Вопросные пункты, предложенные Н.И. Новикову митрополитом Платоном // Летописи русской литературы и древности. Т. I. Кн. 1. Отд. III. М., 1859. С. 25.
- ⁶⁴ Там же.
- ⁶⁵ Терновский Ф.А. Указ. соч. Т. 3. Сентябрь. С. 115.
- ⁶⁶ [Платон (Левшин), митр.] Из бумаг митрополита Московского Платона (Устав свободных каменщиков и замечания на него Платона) // ЧОИДР. 1881. Т. 4. Отд. 3. С. 27.
- ⁶⁷ Цит. по: Виноградов В. Указ. соч. С. 317.
- ⁶⁸ Там же.
- ⁶⁹ Там же. С. 318.
- ⁷⁰ Пытин А.Н. Религиозные движения при Александре I. СПб., 2000. С. 182.
- ⁷¹ [Платон (Левшин), митр.] Краткая российская церковная история, сочиненная преосвященным Платоном, митрополитом Московским в Вифании. В 2 т. М., 1805.
- ⁷² Там же. Т. I. С. 15–16.
- ⁷³ Там же. Т. II. С. 190.
- ⁷⁴ Бантыш-Каменский Д.Н. Словарь достопамятных людей русской земли. Ч. 2. СПб., 1847. С. 34.
- ⁷⁵ Казанский П.С. Отношение митрополита Платона к императрице Екатерине II и императору Павлу I (по автобиографии Платона и письмам императора Павла) // ЧОИДР. 1875. Кн. 4. С. 182.
- ⁷⁶ Там же.
- ⁷⁷ Там же. С. 183.
- ⁷⁸ РГАЛИ, ф. 2 (Александров А.А.), оп. 1, ед. хр. 860. Письма митрополита Платона к императору Павлу о награждении духовных лиц орденами (от 24 ноября – 7 декабря 1796 г.). Рукописная копия. Л. 1.
- ⁷⁹ ОР РГБ, ф. 229 (Платон Левшин, митрополит), к. 1, ед. хр. 11. Платон, митрополит Московский. Бумаги (документы, акты, письма), писанные им самим или им полученные во время его пастырского служения, а также собранные им материалы по многим вопросам церковной практики и истории. Л. 2.
- ⁸⁰ Цит. по: Казанский П.С. Указ. соч. С. 187.
- ⁸¹ Флоровский Г.В., прот. Указ. соч. С. 148–149.
- ⁸² Голубев С.Т. Начало систематической обработки русской церковной истории // Киевские университетские известия. 1885. № 4. С. 71. См. мнение митрополита Евгения (Болховитинова).
- ⁸³ [Платон (Левшин), митр.]. Краткая российская церковная история... Т. 1. С. III.
- ⁸⁴ Платон (Левшин). Записки о жизни Платона... С. 28.
- ⁸⁵ Титлинов Б.В. Указ. соч. С. 1200.
- ⁸⁶ Там же. С. 1258.
- ⁸⁷ Платон (Левшин). Записки о жизни Платона... С. 71.
- ⁸⁸ Флоровский Г.В., прот. Указ. соч. С. 148.
- ⁸⁹ Прилежаев Е. Духовная школа и семинаристы в истории русской науки и образования // Христианское чтение. 1879. Ч. II. № 8. С. 175.